

Кононов И. Ф.

доктор социологических наук,
профессор, заведующий кафедрой
философии и социологии Луганского
национального университета
имени Тараса Шевченко

УДК 141.2(470+571)''17''

Русский космизм XVIII века как предшественник ноосферного мышления

В статье рассматривается возникновение русского космизма как широкого интеллектуального движения, сформировавшегося в широком контексте европейского космизма. Космизм был попыткой преодолеть мировоззренческий кризис начала Модерна. Русский космизм подготовил почву для идей ноосферного мышления и ныне является живым и перспективным движением, направленным на переопределение способа бытия человека в мире.

Ключевые слова: космизм, антропоцентризм, мировоззренческий кризис, интеллектуальное движение, ноосферное мышление.

В статті розглядається виникнення російського космізму як широкого інтелектуального руху, що сформувався в широкому контексті європейського космізму. Космізм був спробою подолати світоглядну кризу початку Модерну. Російський космізм підготував ґрунт для ідей ноосферного мислення і нині є живим перспективним рухом, спрямованим на перевизначення способу буття людини в світі.

Ключові слова: космізм, антропоцентризм, світоглядна криза, інтелектуальний рух, ноосферне мислення.

The article discusses the emergence of the Russian cosmism as a broad intellectual movement which emerged in the broader context of European cosmism. Cosmism in Europe came as a response to a deep ideological crisis that began with the transition to modern times. The new picture of the world supposed its infinity and mechanistic nature that destroyed Renaissance anthropocentrism. A human being became a resident of a small planet lost in the infinite space. Cosmism in Europe emerged as an intellectual movement to overcome the crisis indicated. The idea of space flight - one of the practical ways of overcoming attachment to the earth and the development of human's space intentions. In Russia, the founder of cosmism was J. Bruce, and the most outstanding representatives of the 18th century - M. Lomonosov, V. Levshin, G. Derzhavin, F. Dmitriev-Mamonov. Russian cosmism prepared the ground for ideas of noosphere thinking and is now a vibrant and promising movement aimed at redefining the way of being of a human in the world.

Keywords: cosmism, anthropocentrism, ideological crisis, intellectual movement noosphere thinking.

В энциклопедически широком круге научных интересов В. И. Вернадского почетное место принадлежало истории науки. Ученый писал: «Необходимо вновь научно перерабатывать историю науки, вновь

исторически уходить в прошлое, потому что, благодаря развитию современного знания, в прошлом получает значение одно и теряет другое. Каждое поколение научных исследователей ищет и находит в истории науки отражение научных течений своего времени. Двигаясь вперед, наука не только создает новое, но и неизбежно переоценивает старое, пережитое» [1, с. 218]. Создатель биогеохимии считал, что в развитии науки кумулятивность развития сочетается с качественными изменениями. Последние являются результатами кризисов духовной жизни, главными среди которых он считал три (VI в. до н.э., XVII в. и XX в.). И именно «в такие моменты научного творчества научное изучение научной мысли приобретает иное, более злободневное значение» [2, с. 241].

В Европе XVII в. сложилась, согласно В. И. Вернадскому, развивающаяся система научной мысли нового времени. С началом XX века научная мысль модерна начинает переживать качественные изменения: «XX век вносит со все увеличивающейся интенсивностью уже коренные изменения в миропонимание нового времени. Это изменения иного масштаба, чем те, которые создавались в прошлом веке. Они аналогичны тем, какие внесли в мирозерцание средних веков философия, наука и техника начала XVII столетия» [2, с. 229]. Ученый указывает на теорию относительности, рост значения биологических наук и наук о человеке: «Перелом научного понимания Космоса, указанный раньше, совпадает, таким образом, с одновременно идущим глубочайшим изменением наук о человеке. С одной стороны, эти науки смыкаются с науками о природе, с другой, их объект совершенно меняется» [2, с. 239].

Слияние познания космоса и человека актуализирует линию в развитии человеческой мысли, получившую название космизма в целом, и русского космизма в частности. Широко распространенным является отождествление космизма с особым способом подхода к действительности, когда все явления анализируются в космическом контексте. Например, В.М. Таланов пишет: «Стиль мышления, рассматривающий объект как целое в его взаимосвязи со

средой, с Космосом, получил название “русского космизма“»[3, с. 15]. Не стану реагировать на отождествление космизма со стилем мышления. Сосредоточусь на ином. Такая расширительная трактовка явления позволяет находить его во все времена и у всех народов. Космистами будут в данном случае такие разные мыслители как Анаксагор, Демокрит, Платон, Плутарх и Лукиан из Самосаты в античном мире. К космистам придется отнести большинство деятелей итальянского Возрождения. Например, писал же Джованни Пико дела Мирандола: «И мы также не будем единством, если узами добродетели не соединим любовь к земному и разум, стремящийся к небесному» [4]. По сути, такая широкая трактовка лишает космизм определенности.

Истоки космизма следует искать в мировоззренческом кризисе, разразившемся с переходом от Возрождения к Новому времени. Модерн новую картину мира основывал на метафоре Машины. Но в этой мировой машине человек утрачивал главенствующее положение, если сравнить его с антропоцентрическим представлением о мире эпохи Возрождения. Только мыслью человек способен поставить себя на один уровень с бесконечностью мира. Это особо трагично почувствовал Блез Паскаль: «Человек не что иное, как тростник, очень слабый по природе, но этот тростник мыслит... все наше достоинство состоит в мысли. В этом отношении мы должны возвышать себя, а не в отношении к пространству и времени, которое мы не сумели бы наполнить» [5].

Ответом на утрату человеком центрального положения в мире стал поиск средств деятельно утвердить себя в качестве космического фактора. Идея космических полетов дала одно из направлений движения в данном направлении. Космизм не сводится только к поиску путей достижения других небесных тел. Это – широкое интеллектуальное движение, объединяющее философов, ученых, литераторов. Цель его – преодолеть открывшееся ничтожество человека, превратить человеческое общество в космический феномен. Естественно, что сам термин «космизм» достаточно

поздний. Это – результат усилий конструирующего исторического сознания XX века. Разумеется, что сказанное вполне относится и к русскому космизму. Такого термина не было в ходу ни в XVIII, ни в XIX веках. Он не связан с некой идентичностью научной школы. Н. К. Гаврюшин рассказывает, что этот термин родился в 1970-е годы, когда развернулось исследование культурных предпосылок космонавтики и в Калуге начали проводиться регулярные Чтения памяти К.Э. Циолковского. Он рассматривает сомнения немецкого исследователя творчества Н. Ф. Фёдорова Михаэля Хагемайстера относительно существования русского космизма как оригинального явления и заключает: «...Сомнения профессора М. Хагемайстера имеют под собой очень серьезные основания. Троянский конь, украшенный попоной с надписью «Русский космизм», раскололся, и из него выбрались те, кто не одно десятилетие ждал изменения идеологической атмосферы: теософы, оккультисты, христианские еретики, натурфилософы как мистической, так и позитивистской ориентации. Однако я не решусь однозначно утверждать, что русского космизма вообще не было, ибо нельзя отрицать определенной консолидации и общения этих идейных диссидентов и нельзя упускать из виду, что в 70 – 80-е гг. XX в. русский космизм являлся предметом горячих споров и надежд, а значит, феноменология нашего общественного сознания без него представлена быть не может» [6, с. 105]. Автор здесь говорит о русском космизме как феномене, сконструированном из реального исторического материала потребностями развития общественного сознания в СССР второй половины XX века. По его словам, наибольшую роль в этих конструирующих усилиях сыграли И. А. Кольченко, Л. В. Голованов и Ю. В. Бирюков. А. П. Огурцов утверждает, что термин «русский космизм» предложен именно Н. К. Гаврюшиным. Он тоже обращает внимание на то обстоятельство, что в эту группу были отнесены самые разные течения общественной мысли: «Термин “русский космизм“ объединяет совершенно разнородные течения от откровенно фидеистических до атеистических, от философов Всеединства до проективной идеологии; от теократических

религиозно-философских течений до глобального эволюционизма» [7]. А. П. Огурцов считает, что во всех десяти течениях русского космизма, которые сейчас можно выделить, просматриваются некие общие принципы. К ним он относит: 1) единство человека и космоса; 2) постижение единства бытия; 3) экологичность; 4) этическую онтологию. Свое рассмотрение он завершает заключением: «Это – определенный вариант метафизики спасения» [7].

Представляется, что в данном случае мы наблюдаем контаминацию сюжетов разных времен. С одной стороны, как об этом и говорил В.И. Вернадский, потребности развития современной науки заставили по-новому взглянуть на ее предпосылки. С другой стороны, в Российской империи существовало очень широкое идейное течение, объединявшее сторонников множественности обитаемых миров, космических полетов, которые искали для человечества космической миссии. Будучи частью мирового космизма, русский космизм приобрел своеобразие, имеющее общечеловеческое значение. Эта линия никогда не прерывалась, условно говоря от Якова Брюса до Сергея Королёва. Течение это живо и плодотворно и сейчас. Истоки ноосферного движения следует искать именно в нем.

Русские космисты были продолжателями европейских космистов.

Среди первых европейских космистов упомяну Иоганна Кеплера (1571 – 1630) и Эркюля Савиньена Сирано де Бержерака (1619 – 1655). Первый из названных не сомневался в плотной заселенности космоса и в возможности совершать в перспективе космические перелеты. Он писал: «Я не считаю более столь уж невероятной мыслью о том, что не только на Луне, но даже и на Юпитере обитают живые существа, или, как забавно выразился недавно в обществе некий любитель науки, что те страны еще предстоит открыть. Стоит лишь кому-нибудь выучиться искусству летать, а недостатка в колонистах из нашего человеческого рода не будет... Дайте лишь корабль и приладьте парус, способный улавливать небесный воздух, как тотчас же найдутся люди, которые не побоятся отправиться в такую даль» [8, с. 61].

И. Кеплер воспринимал новую астрономию предпосылкой будущей космической экспансии. Обращаясь к Галилею, он восклицал: «Словно отважные путешественники завтра столпятся у дверей, спешим мы обосновать для них астрономию: я – астрономию Луны, ты, Галилей, - астрономию Юпитера» [8, с. 61]. С точки зрения формы мысли мы имеем перед собой лишь идею, как способ разрешения некоего теоретического и практического противоречия [9, с. 221 - 234]. Еще нет практических средств реализации этой идеи. Сам И. Кеплер описывал путешествие на Луну при помощи духов во время затмения [8, с. 76 - 103]. Сирано де Бержерак описывает попытки своего героя добраться до Луны при помощи склянок с росой, привязанных к одежде, затем он использует машину, в которой поочередно срабатывают ряды ракет. В конце концов, он достигает цели непостижимым образом при помощи бычьего мозга [10, с. 228 - 237].

Космизм расширяет мыслительные горизонты благодаря воображаемой смене гносеологической позиции. В общественное сознание входит представление об относительности обыденных человеческих представлений. Некий солнечный демон в романе Сирано де Бержерака заявляет: «...Если бы я стал объяснять вам то, что воспринимаю органами чувств, которых у вас нет, то вы представили бы себе это как нечто, что можно услышать, увидеть, осязать, трогать, пробовать на вкус, а между тем это нечто совсем иное» [10, с. 252]. Эта относительность легко экстраполируется на социальные процессы. Бернар Ле Бовье де Фонтенель (1657 – 1757) передает это в виде диалога автора и некой маркизы: «- Вы мне даете о Земле очень жалкое представление, - сказала маркиза. – Однако ради этого шелковичного кокона совершается огромная работа, ведутся великие войны и господствует беспокойство во всех его пределах. – Да, - отвечал я, - и в то же самое время природа, которая вовсе не вмешивается во все эти небольшие частные движения, несет нас всех в одном общем порыве и словно играет нашим маленьким шариком» [11, с. 91].

В Россию идеи космистов проникают с реформами Петра I. До этого даже идеи Коперника в Московскую Русь пробивались очень трудно и отклика со стороны местных интеллектуалов не находили. Проф. Б. Е. Райков, крупнейший до настоящего времени исследователь истории гелиоцентрического мировоззрения в России, писал, что в литературе XVII в. им зафиксирован лишь один перевод на русский язык сочинений европейских коперникианцев. Речь идет о рукописном переводе космографии голландского географа Иоганна Блеу, сделанном под руководством знаменитого киевского ученого, работавшего в Москве, Епифания Славинецкого. Исследователь отмечал: «Эта попытка стоит особняком и не имела дальнейшего развития» [12, с. 117].

Зачинателем движения русских космистов следует признать Якова Вилимовича Брюса (1670 – 1735). Этот шотландец королевской крови был ближайшим сподвижником Петра, командовал русской артиллерией, а в народе приобрел славу чернокнижника и колдуна [13]. Вместе с Василием Куприяновым в 1707 г. он создал звездную карту [12, с. 158], а в 1717 году им была переведена работа Христиана Гюйгенса «КОΣΜΟΘΕΩΡΟΣ sive de terris coelestibus earumque ornatu conjecturae», получившая в переводе довольно странное название «Книга мірозрѣнія или мнѣнія о небесноземныхъ глобусахъ и ихъ украшенияхъ». Известно только московское издание 1724 года, хотя в нем указывается, что первое издание вышло в Санкт-Петербурге в 1717 году [14]. Голландский физик был сторонником множественности обитаемых миров. Он предполагал густую заселенность космоса. Из общности законов природы выводил схожесть обитателей разных планет. Более того, он писал, что «планетные народы» «общежительствуют», то есть ведут социальный образ жизни [14, с. 126]. Б. Е. Райков отмечал удачность выбора текста для перевода: «Желая ознакомить читающую публику со взглядами Коперника, русский переводчик не мог сделать лучше выбора. Потому что при тогдашнем состоянии культуры в России более солидное и строгое астрономическое сочинение до читателя все равно не дошло бы» [12,

с. 163]. Яков Брюс, не указавший свое имя как переводчика, снабдил книгу и предисловием. Там он писал о других небесных телах, «...что на оныхъ планетахъ или ходящихъ звѣздахъ [еже по відомому, не инья корпусы, что сеи нашъ земной глобусъ суть] и такожь тѣмже подобнымъ раченія. И звѣри умныя и безумныя изобретаютца, еже аще и не всѣ, обаче же большую часть съ нашимъ общественно имѣють» [14, с. 5].

В литературе уже отмечалось, что после реформ Петра I в России достаточно легко была принята система Коперника. Церковь преследовала сторонников идеи множества обитаемых миров. Ю. Г. Перель писал: «...При всех условиях “множественность миров” для церкви была страшнее, чем гелиоцентрическая система мира» [15, с. 186]. Однако у Якова Брюса появляется ход мысли, который будет свойственен и другим русским космистам XVIII в. Рассказывая о грандиозности размеров Солнца в сравнении с Землей, он заключает, что именно это доказывает божественное величие [14, с. 7 - 8]. У меня нет оснований рассматривать это как простую уловку.

Еще раз повторю, что русский космизм возник как очень широкое интеллектуальное движение, а не как научная школа. Мы не можем указать на каких-то деятелей культуры и сказать: «Вот чистые космисты». Таковых просто не было. Космизм как течение культуры, переопределявшее её основания, находил проявление и развитие у очень разных авторов.

Серьезную роль в укреплении этого течения играли переводы западноевропейских авторов. Специалисты особо отмечают перевод «Разговоров о множестве миров» Б. Фонтенеля, сделанный Антиохом Кантемиром (1708 – 1744) [16]. Хотя против публикации книги ополчается Синод, но она переиздается в 1761 году. Б. Е. Райков дал очень высокую оценку этому переводу: «...Кантемир превосходно справился с поставленной задачей. Его перевод явился для своего времени важным литературным событием и сыграл существенную роль также в деле развития нашего философского языка, положив начало русской научно-популярной

литературе» [12, с. 225]. Удача перевода, видимо, была во многом обусловлена созвучием в мышлении французского философа и сына молдавского господаря, ставшего лучшим русским силлабическим поэтом. Достаточно вспомнить следующие строки Антиоха Кантемира:

«...в воздушном пространстве,
Как мячик легкий, так земля катится;
В трав же зеленом и дубрав убранстве
Там гора, тут долина гордится» [Цит. по:12, с. 220].

Важным событием стал перевод учеником М. В. Ломоносова Н. Н. Поповским «Эссе о человеке» английского поэта Александра Попа (Alexander Pope “An essay on men”). Книга подверглась цензурным гонениям, но затем с правками архиепископа Амвросия вышла в 1757 г.

Космическая точка зрения нашла отражение в новой русской литературе. Здесь достаточно назвать «Утреннее размышление о Божием Величестве» и «Вечернее размышление о Божием Величестве при случае великого северного сияния» (оба 1743 г.). В первом стихотворении создана впечатляющая картина Солнца:

«Там огненны валы стремятся
И не находят берегов,
Там вихри пламенны крутятся,
Борющиеся множество веков...»[17, с. 161].

Во втором произведении речь идет о множестве обитаемым миров во вселенной:

«Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет бездне дна.
.....
Уста премудрых нам гласят:
“Там разных множество светов,
Несчетны солнца там горят,
Народы там и круг веков;

Для общей славы божества

Там равна сила естества» [17, с. 163].

Это не единственные, но наиболее сильные произведения М. В. Ломоносова, свидетельствующие о наличии у него космической точке зрения. Среди других стихотворных текстов великого ученого следует упомянуть сатирический «Гимн бороде» (1757 г.), направленный против церковной реакции. В этом тексте речь идет о предполагаемых жрецах на других обитаемых планетах, которые преследуют своих вольнодумцев за предположение о наличии разумных обитателей на Земле:

«Скажет кто: мы вправды тут,

В срубе там того сожгут» [17, с. 216].

Видимо с М. В. Ломоносова начинается утверждение своеобразия русской научной мысли. Более того, русские ученые и литераторы всячески подчеркивают свое право на равных с европейцами участвовать в развитии мировой науки. Ученик М. В. Ломоносова Н. Н. Поповский, обращаясь к своим слушателям при начале чтения курса философии в Московском университете, восклицает: «Что ж касается до изобилия российского языка, в том перед нами римляне похвастаться не могут. Нет такой мысли, кою бы по-русски изъяснить было невозможно. <...> ...Уверьте свет, что Россия больше за поздним начатием учения, нежели за бессилием, в число просвещенных народов войти не успела» [18, с. 11-12].

Русский космизм с самого начала оказался в очень сложном отношении к религии. С одной стороны, его представители в своем большинстве не были атеистами, но, с другой стороны, их давили церковные стеснения. Г. Р. Державин вынужден был отбиваться от обвинений в пантеизме и даже в симпатиях к исламу, опираясь на свое положение царедворца. Они были спровоцированы его стихотворением «Бог», которое можно считать вершиной русской поэзии XVIII века. Возрожденческая по сути мысль в новом контексте становится гимном космической сущности человека:

«Частица целой я вселенной,

Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества я той,
Где кончил тварей ты телесных,
Где начал ты духов небесных
И цепь существ связал всех мной» [19, с. 52].

Со второй половины XVIII века в русском космизме усиливаются социально-критические и социально-утопические тенденции. Яркие примеры этого дает многогранное творчество В. А. Лёвшина (1746 – 1826). Остановлюсь на его повести «Новейшее путешествие». Главный герой этого произведения наречен Нарсимом, что отсылает к трагедии М. В. Ломоносова «Тамира и Селим». Нарсим здесь – «царевич крымский» [20, с. 162]. Данную аллюзию можно истолковать как достижение интеллектуальной жизнью России значительной плотности внутренней коммуникации.

Вначале главный герой размышляет о свойствах воздуха, называя его «жидким веществом». Сравнивает движение щепки на поверхности воды и парение пера в воздухе: «Отъ счепки произошли военные корабли: а перо доставит намъ способъ сдѣлать орудіе, удобное взносить насъ выше нашей атмосферы» [21, с. 139]. Его толкает в заатмосферные дали убежденность в наличии в космосе множества миров. Решение ему приходит во сне, и весь дальнейший текст есть не что иное, как описание сновидения. Технически Нарсим не ушел дальше лукианова Мениппа. Он сооружает ящик «из легчайших буковых дощечек» и прикрепляет к нему четыре орлиных крыла. Два крыла опустил горизонтально, а двумя при помощи особого механизма начал махать. Машина вместе с героем поднялась над землей.

Из текста становится ясно, что русский космизм был, кроме всего прочего, ответом на практику колониализма. Опыт истребления индейцев и опыт ограбления европейцами Индии вызвал в среде немногочисленных русских интеллектуалов моральный протест. Космическая точка зрения многие земные страсти позволяла увидеть во всей их никчемности. То, что с земной точки зрения выглядело как геройство, с космической точки зрения

не могло восприниматься иначе как злодейство. Поручик кирасирского полка, участвовавший в русско–турецкой войне с 1768 по 1772 год, видевший, что могут люди делать друг с другом, боялся, что всю эту мерзость они могут потащить за собой и в космические дали. И он формулирует альтернативу: «Съ какимъ бы вожделѣніемъ увидѣли мы отходящій отъ насъ воздушный флотъ! Сей флотъ не былъ бы водимый златолюбіемъ: только отличные умы возлещѣли бы на немъ для просвѣщенія. Брега новыя сея Индіи не обагрились бы кровію отъ исходящихъ на оныя громоносныхъ фурій: се было бы воинство вооруженное едиными оптическими орудиями, перьями и бумагою» [21, с. 140].

Героя В. А. Левшина волнует, что атмосфера простирается не очень далеко от Земли, а «...после чего слѣдуетъ одинъ тончайшій Еѳиръ, неспособный къ житію въ немъ тварей» [21, с. 144]. Но на практике, якобы, оказывается, что воздух простирается и в межпланетном пространстве, что, по мысли автора, является причиной того, что все тела под действием силы тяжести не слипаются вместе.

Нарсим приближается к Луне: «Сей малый свѣтленькій кружечекъ учинился преогромнейшимъ шаромъ, и Нарсимъ не примѣчал, чтобъ оный испускалъ отъ себя свѣтъ. Сей шаръ былъ точная наша земля, или темная глыба, наполненная горами, водами и равнинами» [21, с. 150]. Довольно быстро он замечает леса и кровли зданий. Нарсим восклицает: «Луна населенна! ...вот города...деревни!...Ахъ! я вижу и самихъ тварей...Боже мой! Здесь такіе же человѣки! ... Они имѣют свои нужды: вотъ пахарь чредящій свою землю... Се пастухи съ стадами!» [21, с. 150].

На Луне Нарсим находит богатое и разумно устроенное общество, управляемое отцами семейств. Фактически эту часть повести можно рассматривать как консервативную утопию, напоминающую «Путешествие в землю Офирскую» М. М. Щербатова. Правда, князь Щербатов размещает свое идеальное общество на нашей планете, в том месте, где оказалась

покрытая толстым льдом Антарктида[22]. Его произведение написано как раз в 1784 году и при жизни не публиковалось. Возможно, лёвшинская публикация была для него толчком?

Видя богатство лунных городов, где здания из чистого золота и алмазов, лёвшинский Нарсим думает: «Если бы сіи драгоцѣнности, сіи алмазы и золото, не столь трудною раздѣлены были отъ нас дорогою: тысячи Колумбовъ, со всѣхъ четырехъ нашихъ частей, пришли бы отвѣдать мечей своихъ, над шеями Лунатистовъ. И сей прекрасный шаръ, въ одно лѣто учинился бы пустою степью; а побѣдители, не раздѣлили бы своей добычи, и при самомъ своемъ набогащеніи, истребилибъ себя взаимно. Земля и Луна заблистали бы отъ кучъ золота; но сіи груды служилибъ уже ночлегомъ совамъ, и скоты попрали бы ногами предмѣты суетности человѣковъ» [21, с. 158].

Завершу рассмотрение эволюции русского космизма XVIII века изложением оригинального произведения Ф. И. Дмитриева-Мамонова (1727 – 1805). Сам писатель был крайне противоречивой личностью: просвещенный и одновременно самовлюбленный жестокий крепостник, фантазер и оригинал, придумавший собственную систему устройства Солнечной системы. Свое главное произведение «Аллегория» опубликовал под псевдонимом «Дворянин-философ». Оно выходило при жизни автора дважды. Первый раз как дополнение к переводу повести «Любовь Психеи и Купидона» Жана Лафонтена[23]. Второе издание появилось в Смоленске в 1796 г. [24].

В повести речь идет о дворянине – философе, который будучи поклонником Коперника, решает и свое имение устроить по образцу Солнечной системы. Свой дом сделал Солнцем, на определенном расстоянии от него прорыл каналы, опоясывающие дом как орбиты планет. Воды каналов омывали острова, символизирующие разные планеты. На каждой из них он поселил каких-то существ: на Земле – муравьев, на Юпитере – журавлей, на Сатурне – лебедей.

После устройства имения его хозяин собрал гостей. Дом блистал огнями. Гости шутили, что было бы здорово научиться понимать речь «народов», населяющих «планеты».

Тут автор прибегает к мистическому моменту в развитии сюжета. Среди грома и молний является некий могучий муж: «...Мужъ въ важномъ видѣ, облеченъ въ черную одежду; препоясанъ широкимъ златымъ поясомъ, покрытъ длинною черною епанчею, но на главѣ имѣлъ онъ шляпу изъ бархата, чермленнаго огненнаго цвѣта» [24, с. 8]. Этот таинственный гость и предлагает собравшимся перстень, дающий возможность понимать речь обитателей «планет». Мужчины отказываются принять такой подарок, но его охотно принимают женщины. После этого вся компания отправляется в сад.

Муравьиное общество оказывается аналогичным человеческому. Здесь все муравьи, кроме избранной дюжины, имели «цвѣт дикой». Избранные же были «черны как уголь». Все муравьи «дикаго цвѣта» трудились и думали только о работе. Иногда они дрались между собой за клочок земли, и дрались насмерть.

Двенадцать черных муравьев важностью вида казались людям, наблюдавшим за этим сообществом, либо судьями, либо учителями. Вот один из них взобрался на самый верх какой-то хворостины и начал вещать о том, что, дескать, он говорил «с самим тем, кто о нас печется». Якобы Он и сказал, что только дюжина черных муравьем разумна, а все остальные – неразумные твари, которые без присмотра черных пастырей погибнут.

Из этой проповеди стало понятно, что «Сам он» - тоже муравей. Именно Он – создатель огня, который все освещает «...крепко мнѣ наказаль, чтобы вы отъ своего стяжанія приносили каждой годъ ко мнѣ десятую часть, которую я немедленно ему вручить долженъ, ему безъ того никакъ не есть возможно обойтися. Сверхъ того подтвердилъ онъ мнѣ, скажи ты всѣм муравьям скотам, что все ихъ щастіе состоитъ въ томъ, чтобъ они цѣ ловали твою и твоихъ товарищевъ задницу» [24, с. 22]. Гости дворянина-философа закричали: «Мошенник!».

В повести находится муравей «дикаго цвѣта» - еретик. Он взбирается на сучек и оттуда дает эксплуататору и мракобесу отповедь: «...Все, что черный муравей вамъ ни говорилъ, онъ васъ обманывалъ. Землю нашу сдѣлалъ не муравей, ея никто не дѣлалъ, она сдѣлалась сама собой, и весь сей свѣтъ великой также сдѣлался самъ собой» [24, с. 25]. Из подобных «онтологических» предпосылок еретик делал социологические выводы, касающиеся того, что не нужно черным отдавать десятину.

Но призыв к борьбе не вдохновил собратьев. Более того, они крайне негативно восприняли проповедь еретика. «Имъ нравилось то, что черные муравьи сказывали, что они всегда говорили съ тѣмъ муравьем, который сдѣлал большое сіяніе и всѣ зеркала, и чрезъ нихъ они думали найти у него милость» [24, с. 26 - 27]. По приказу черных муравьев они поймали вольнодумца и стащили дров для костра. В последнюю минуту один из людей снял его с огня. Муравьи это событие восприняли как чудо.

В повести муравей-еретик от потрясений умер и был похоронен в саду в капельке смолы.

Небольшая повесть Ф. И. Дмитриева-Мамонова является свидетельством появления в русском космизме социального скептицизма, смешанного с социальным критицизмом.

Русский космизм не был творением исключительно этнических русских. Он был продуктом интеллектуальной жизни огромной и все расширяющейся империи. В его развитие значительный вклад внесли иностранцы, работавшие в российской Академии наук. Так, для обучения будущего императора Павла I в 1756 г. был «выписан» немецкий физик и астроном Франц Ульрих Теодор Эпинус. Он прославился своей враждой с М. В. Ломоносовым [25]. В России им было сочинено «Рассуждение о строении мира», изданное отдельной брошюрой в 1770 г. [26]. В России был издан достаточно обширный труд Иоганна Генриха Ламберта [27]. Это позволяло русским интеллектуалам быть в постоянном диалоге с Европой, как бы эти отношения ни складывались.

Межцивилизационный диалог может быть достаточно плодотворным, если внутри цивилизации развиты интенсивные диалогические отношения. Если русский космизм был продуктом, даже рефлексом имперского центра, то партнер для диалога с ним сложился в Украине. Имею в виду философию Г. С. Сковороды. Пока для её репрезентации ограничусь лишь одним риторическим вопросом мыслителя: «Что нам ползы приобрѣсть цѣлой вселенной владѣніе, а душу потѣрять?» [28, с. 197]. Экспансионизму человеческой деятельности здесь противопоставляется интравертная самоуглубленность, прогрессивистскому сциентизму – анализ противоречий научного и технического прогресса. В восточнославянской цивилизационной системе встреча этих направлений мысли породила синтез, результатом которого стала классическая русская философия, яркими представителями которой были В. С. Соловьёв, П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков и многие другие. Но этот синтез повлиял не только на философию, но и на всю культуру Российской империи. Он задал рамки развития науки и литературы, живописи и музыки. И именно в этих рамках возможно объяснить феномен В. И. Вернадского. С одной стороны, он – несомненный космист. Еще в молодости он вдохновлялся данной интеллектуальной перспективой, о чем свидетельствует письмо 1893 года: «С каждым днем яснее и яснее становится картина, и мне иногда блестит перед умственным взором общая схема химической жизни Земли, производимой энергией Солнца» [Цит. по: 29, с. 9]. С другой стороны, он осознает бесперспективность жесткого онтологизма: «Напрасно стал бы человек пытаться научно строить мир, отказавшись от себя и стараясь найти какое-нибудь независимое от его природы понимание мира» [2, с. 238]. Представляется, что 150-летие В. И. Вернадского должно дать толчок для дальнейшего синтеза естественных и социальных наук, научного и философского знания, синтезу достижений различных цивилизаций. В конце концов от этого зависит само выживание человечества.

Литература

1. Вернадский В. И. Из истории идей // Вернадский В. И. Избранные труды по истории науки / В. И. Вернадский. – М.: Наука, 1981. – С. 214 – 227.
2. Вернадский В. И. Мысли о современном значении истории знаний // Вернадский В. И. Избранные труды по истории науки / В. И. Вернадский. – М.: Наука, 1981. – С. 229 – 242.
3. Образование как планетарное явление: Монография / Л. А. Алексеева, Р. А. Додонов, Д. Е. Муза, Ф. В. Лазарев, В. М. Таланов и др. – Донецк: ДонНТУ, Технопарк ДонНТУ УНИТЕХ, 2011. - 270 с.
4. Пико делла Мирандола Дж. О Сущем и Едином / Джованни Пико дела Мирандола / Пер. с лат. О. Ф. Кудрявцева. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000563/index.shtml>
5. Паскаль Б. Цитаты / Блез Паскаль [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cpsy.ru/cit1058.htm>
6. Гаврюшин Н. К. А был ли «русский космизм»? / Николай Константинович Гаврюшин // Вопросы истории естествознания и техники. – 1993. - №3. – С. 104 – 105.
7. Огурцов А. П. Русский космизм (обзор литературы и навигатор по сайтам Интернета) / Александр Павлович Огурцов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vox-journal.org/content/vox4-11ogurcov.pdf>
8. Кеплер И. О шестиугольных снежинках / Иоганн Кеплер / Пер. с лат. Ю. А. Данилова. – М.: Наука, 1983. – 192 с.
9. Копнин П. В. Проблемы диалектики как логики и теории познания. Избранные философские работы / П. В. Копнин. – М.: Наука, 1982. – 368 с.
10. Сирано де Бержерак. Иной свет, или государства и империи Луны // Утопический роман XVI – XVII веков. – М.: Художественная литература, 1971. – С. 225 – 306. [Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Том 34].
11. Фонтенель Б. Рассуждения о множественности миров / Бернар Ле Бовье де Фонтенель // Фонтенель Б. Рассуждения о религии, природе и разуме. – М.: Мысль, 1979. – С. 68 – 172.
12. Райков Б. Е. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. Из прошлого русского естествознания. – 2-е изд. / Проф. Б. Е. Райков – М. – Л.: Издательство АН СССР, 1947. – 391 с.
13. Грачева И. Яков Брюс: реальность и легенды / И. Грачева. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nkj.ru/archive/articles/10415/>
14. Гюйгенс Х. Книга мірозрѣнія или мнѣнія о небесноземныхъ глобусахъ и ихъ украшенияхъ. 2-е изд./ Христиан Гюйгенс – М., 1724.
15. Перель Ю. Г. К вопросу о времени признания учения Коперника в России / Ю. Г. Перель // Историко-астрономические исследования. – Вып. IX. – М.: Наука, 1966. – С. 179 – 197.
16. Разговоры о множестве миров г. Фонтенелла, Парижской академии наук секретаря. С французского перевел и потребными примечаниями изъяснил князь Антиох Кантемир в Москве 1730 году. – СПб.: При Императорской Академии наук, 1740. – 200 с.
17. Ломоносов М. В. Стихотворения /М. В. Ломоносов / Составление, подготовка текста, вступительная статья и примечания Е. Н. Лебедева. – М.: Советская Россия, 1984. – 368 с. [Поэтическая Россия].
18. Поповский Н. Н. Речь, говоренная в начатии философских лекций при Московском университете гимназии ректором Николаем Поповским /Поповский Николай Никитич // Русская философия второй половины XVIII века: Хрестоматия / Сост., библиогр. статьи и прим. Б. В. Емельянова. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. – С. 7 – 12.

19. Я связь миров: Философская лирика русских поэтов XVIII – начала XX века / Составление, вступительная статья и комментарии В. М. Фалеева. – М.: Правда, 1989. – 464 с.
20. Ломоносов М. В. Тамира и Селим Трагедия / М. В. Ломоносов // Русская литература – век XVIII. Трагедия / Сост., подгот. текстов и коммент. П. Бухаркина и др. Вступ. ст. Ю. Стенника. – М.: Художественная литература, 1991. – С.159 – 212. [Русская литература – век XVIII.].
21. Левшинъ В. Новѣйшее путешествіе. Сочинено в городѣ Бѣлевѣ // Собесѣдникъ Любителей російскаго слова, содержащій разныя сочиненія въ стихахъ и въ прозѣ нѣ которыхъ Россійскихъ писателей. – Ч. XIII. – СПб: Иждивеніемъ Имперской Академіи Наукъ, 1784. – С. 138 – 166.
22. Щербатов М. М. Путешествие в землю Офирскую / М. М. Щербатов // Русская литературная утопия / Составление, общая редакция, вступительная статья и комментарии В. П. Шестакова. – М.: Изд-во МГУ, 1986. – С. 37 – 79.
23. Дворянинъ-философъ. Аллегорія // Любовь Псиши и Купидона, сочиненная Г. де ла Фентеномъ. – М.: Печатана при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, 1769. – С. 1 - 30.
24. Дворянинъ-философъ. Аллегорія. – Смоленскъ: Типографія Приказа общественнаго призрѣнія, 1796. – 47 с.
25. Новик В. К. Академик Франц Эпинус (1724 – 1802) /Виталий Константинович Новик // Вопросы истории естествознания и техники. – 1999. - №4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/VIET/EPINUS.HTM>
26. Разсужденіе о строеніи мира. Перевод с немецкаго языка. – СПб.: При Императорской Академіи Наукъ, 1770. – 56 с.
27. Система міра славнаго Ламберта, изданная г. Меріаномъ членом Берлинской Академіи и словесныхъ наук. Перевелъ съ французскаго Михайла Розинъ. – СПб.: Печатано у содержателя Типографіи Коммисіи объ учрежденіи Училищъ, 1797. – 255 с.
28. Сковорода Г. С. Разговор пяти путников об истинном щастіи в жизни // Григорій Сковорода. Сад божественныхъ пѣсней. Вірші, байки, діалоги, притчі. – К.: Дніпро, 1988. – С. 160 – 208. [Бібліотека української класики].
29. Микулинский С. Р. В. И. Вернадский как историк науки / С. Р. Микулинский // Вернадский В. И. Избранные труды по истории науки / В. И. Вернадский. – М.: Наука, 1981. – С. 5 – 31.

(Основные положения статьи были изложены в докладе на Международной научной конференции VII Вернадские чтения «Ноосферная идея как панацея от бед человеческой цивилизации XXI века». Донецк, Донецкий национальный технический университет, 28 марта 2013 года).